

УДК 821.161.1-192:811.161.1'342
ББК Ш33(2Рос=Рус)64-45+Ш141.12-1
Код ВАК 10.02.01
ГРНТИ 17.07.25

И. И. ИСАЕВ, А. В. КОРЧИНСКИЙ

Москва

**ФОНЕТИКА РУССКОГО РЭПА:
ОБ ОДНОЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ И ХУДОЖЕСТВЕННОЙ
ТЕНДЕНЦИИ**

Аннотация. Публикация представляет собой обмен репликами между лингвистом и литературоведом, которые пытаются объяснить природу одного значимого фонетического процесса, наиболее ярко проявляющего себя в текстах русского рэпа. Речь идёт об изменении редукции гласных в предударных и заударных позициях, не характерном для литературной нормы. С лингвистической точки зрения это явление рэп-дискурса рассматривается как передовой процесс фонетической эволюции русского языка, который имеет системный характер и, по всей вероятности, в самом недалёком будущем возобладает в русском языке в целом, а также рано или поздно будет подвергнуто литературной нормализации и кодификации. С точки зрения историко-литературной (а рэп – по мнению авторов – представляет собой одно из важнейших расширений современной словесности) такая фонетическая тенденция связана с «низовым» позиционированием художественного языка, с обращением к социальному узусу, противостоящему нормативности, господствующей в элитарном искусстве и на «верхних этажах» массовой культуры.

Ключевые слова: русский рэп; фонетика русского языка; языковая экономия; социальные маркеры дискурса.

Сведения об авторах: Исаев Игорь Игоревич, кандидат филологических наук, директор Института лингвистики РГГУ.

Корчинский Анатолий Викторович, кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и истории гуманитарного знания историко-филологического факультета Института филологии и истории РГГУ.

Контакты: ignatis@mail.ru, korchinsky@mail.ru.

I. I. ISAEV, A. V. KORCHINSKY

Moscow

**PHONETICS OF RUSSIAN RAP:
ON ONE LINGUISTIC AND ARTISTIC TRENDS**

Abstract. The publication is an exchange of replicas between a linguist and a literary critic, which try to explain the nature of one significant phonetic process, which most clearly manifests itself in the texts of Russian rap. We are talking about a change in vowel reduction in pre- and impact-oriented positions,

which is not typical for the literary norm. From the linguistic point of view, this manifestation of rap-discourse is considered as an advanced process of phonetic evolution of the Russian language, which has a systematic character and, most likely, in the very near future will prevail in the Russian language as a whole, as well as sooner or later will be subjected to normalization and codification. From the point of view of literary history such phonetic tendency is connected with the “grassroots” positioning of the artistic language, with the appeal to the social usus, opposing the normality prevailing in the elitist art and on the “upper floors” of the mass culture.

Keywords: Russian rap; phonetics of the Russian language; language saving; social discourse markers.

Information about the authors: Igor Isaev, Candidate of Philology, Director of the Institute of Linguistics of Russian State University for the Humanities.

Anatoly Korchinsky, Candidate of Philology, Associate Professor of the Theory and History of Humanitarian Knowledge Department, History and Philology Faculty, Institute of Philology and History, Russian State University for the Humanities.

И. И. Исаев. Еду домой с работы, в автомобиле под агрессивный бит прорывается текст, нарочито невнятный, замусоренный шумным первым планом: [нъч'инайць как шúm в-живьт'э| пр'атьць в мътный вьд'э| вьнърнут' ф-кълыб'эл'ку| и врьстат' пьмьл'эн'ку ф-пънэл'ку||] [пънэл'къ]. Знатоки рэпа даже в фонетической транскрипции узнают композицию «Панелька» в исполнении «бога русского рэпа» Хаски. А вот знатоки русской литературной фонетики немедленно же потребуют от меня исправить «неправильную» вторую степень редукции гласных в первом предударном слоге после твёрдых согласных [ъ] (в-живьт'э, вьд'э, врьстат', пьмьл'эн'ку, ф-пънэл'ку) и вернуть ожидаемую «правильную» первую степень редукции [а^б] (в-живь а^бт'э, ва^бд'э, вра^бстат', па^бмьл'эн'ку, ф-па^бнэл'ку). Литературная норма, отражённая в словарях и учебниках, предписывает орфоэпически верное использование двух гласных, представляющих фонемы /о/ и /а/. Для первого предударного слога после твёрдых согласных, например, нормативен гласный [а^б], для почти всех прочих позиций – [ъ]. Процесс устранения различий между /а/ и /о/ в результате совпадения их в едином гласном в безударных слогах носит название аканья и является результатом процесса нейтрализации.

Иногда в снятое противопоставление включаются фонемы /у/ и /и/ (/ы/) и тогда нейтрализация обнимает весь инвентарь единиц в позиции после твёрдых согласных.

Сама возможность нейтрализации русских гласных подсказывает нам, что система сжимается: уменьшается количество гласных и уменьшается их различительная способность. Эта тенденция, названная законом Бодуэна де Куртене, охватывает ещё тот период, когда русский язык как самостоятельное лингво-культурное целое не выделился из славянских языков и не стал политическим (государственным) языком. Очень большая, раз-

вёрнутая система гласных и сочетаний в праславянском языке постепенно упростилась, свернувшись сначала до 11 единиц в позднем праславянском, затем до 7 единиц в древнерусском и до 5 в говорах типа литературного языка.

Нужно сказать, что эта тенденция проявляется не вполне плоско. В русском языке, представленном в диалектных вариантах, есть системы 5, 6, 7 и, по-видимому, даже 11-ти фонемных вариантах.

Система русских гласных имеет варианты реализации. Литературный вариант русского языка выглядит так:

Схема 1		
/o/	[a ^b]	[ъ]
/a/		

Та, о которой говорим мы, прослушивая современный язык рэпа, выглядит так:

Схема 2	
/o/	[ъ]
/a/	

В некоторых окающих говорах русского языка (северные говоры, особенно локализованные на Урале) и в русском языке на территории Украины могут встречаться внешне похожие системы. В них имеется лишь мнимое сходство, которое фиксируется ухом: [ъ] представляет фонему /o/, но есть второй вариант, гласный [a], который представляет фонему /a/. Это оканье, система различения фонем /o/ и /a/ в безударных слогах.

Схема 3	
/o/	[ъ]
/a/	[a]

Фонетический анализ речи современной молодёжи показывает общую тенденцию к устранению двухступенчатой редукции [a^b]-[ъ] и замене её одноступенчатой [ъ].

Нужно сказать, что происходит закономерное, но тем не менее волнующее фонетиста изменение самой трапеции гласных. Инструментальные исследования показывают, что самый гласный [á], так необходимый для противопоставления гласных трёх подъёмов, теряет свою идентичность. Его физические качества всё больше приближаются к [ъ]. То есть подъём гласного [á] => стремится к [ъ].

и	Ы	у	=>	и	ы	у
э		о		э		о
	А				ь	

Система упрощается, гласные стремятся к нейтрализации, постепенно превращаясь в своего рода вокалические прокладки между согласными. Именно по этой причине в текстах устной речи, к которым условно могут быть отнесены тексты рэпа, становятся возможными такие невозможные последствия редукции как устранение грамматической части слова, окончания: [панэл'к] (панелька). Гласные важны в устной русской речи? Да, конечно! Но кто несёт основную нагрузку в потоке речи? Попробуйте решить фонетическую загадку. Отгадайте по транскрипции без гласных, какие слова я задумал: [тпр] и [т'п'р']. Получилось? А если те же слова по гласным: [а^бо] и [иé]. Получилось? Кто главный в современной русской фонетике, гласные или согласные?

А. В. Корчинский. По-моему, это очень верно подмечено. Для меня как слушателя эта тенденция ощутима уже не один год. Но теперь я знаю, как это называется на языке науки. Однако тут, как мне представляется, есть несколько нюансов, связанных, скажем так, с культурным бытованием того варианта языка, которым пользуются рэперы. И это в свою очередь делает ситуацию изменения языковой нормы не такой уж простой. Итак, по всей видимости, новая модель редукции гласных в большинстве случаев не связана с родным (региональным – например, уральским или южно-русским) говором исполнителя, как можно было бы подумать. Это подтверждается ещё и тем, что в основном в «обычной» речи такие рэперы умеют говорить «нормально», то есть придерживаются действующей литературной нормы.

Почему же тогда дискурс рэпа и некоторые другие направления современного песенного дискурса предполагают иную фонетическую нормативность, альтернативную той, что преобладает на данный момент в пространстве русского языка? Возможно, рэп и прочие формы новейшей музыкальной культуры потому оказываются на фронтире языкового развития, что в каком-то смысле отражают социальные сдвиги, а также во многом влияют на культурные образцы и габитус тех возрастных групп (молодёжи), которые уже сейчас становятся агентами изменений – культуры, общества и, следовательно, языка.

Но, как литературовед, я делаю акцент на том, что словесность (и рэп как весьма важная часть современной словесности) оказывает активное и конструктивное влияние на общество относительно сознательно, оперируя теми или иными художественными приёмами. То есть рэп и другие формы популярного словесно-музыкального искусства не просто оперируют готовыми (хотя и новыми) формами естественного языка, но, прежде всего, создают новые формы эстетического (в том числе языкового) опыта.

И вот тут я подхожу к самому для меня интересному. Допустим, через рэп во многом идёт обновление языка. Но почему именно этот тип словесности становится той культурной практикой, где изобретается новая языковая нормативность? Собственно, на этот вопрос мне хотелось бы получить ответ, так как это способствовало бы пониманию рэпа не просто как языкового явления, но именно как художественной практики.

Замечу, что не всегда русский рэп базировался на той фонетике, которую ты описываешь, и не весь рэп является таковым сегодня. Думаю, то же касается и других стилей – рока, ска и рэгги, поп-музыки.

Мне кажется, в рэпе вторжение одноступенчатой редукции гласных связано с культурным освоением американской рэп-эстетики в её «гангстерской» и «социальной» ипостасях. Но это не просто заимствование и «локализация» иной традиции. Оно подразумевает мобилизацию ресурсов своего языка и культуры, обнаружение местных культурных аналогов и привнесение их в рэп. Один из способов такого освоения – скрещение рэпа и шансона («Ноггано», «N1NT3ND0», «AK-47»). Опыты музыкантов, обыгрывающих язык гопников, «пацанов с раёна», провинциалов и жителей рабочих окраин создают мощную демократизирующую тенденцию в языке рэпа. Этот процесс, на мой взгляд, можно датировать концом 2000-х годов. Возможно, первоначально играли роль и производительные особенности самих рэперов – уроженца Ростова-на-Дону Василия Вакуленко (Баста, Ноггано) и выходца с Урала Виталия Гостюхина (Витя АК). Но, думаю, значимость регионального фактора не стоит преувеличивать, поскольку другие музыканты из тех же областей могли не использовать фонетические особенности местных говоров (тем более, как ты замечаешь, редукция в говорах имеет другую фонетическую природу). Важна сама эстетическая маркированность этого «народного» и в то же время молодёжного языка, пока в значительной степени маргинального.

В дальнейшем намеченная тенденция актуализируется у самых разных исполнителей, но устойчиво играет роль социального маркера «низового» высказывания. Здесь уже нет жёсткой привязки «демократического» (ролевого) героя к приписываемым ему языковым особенностям. Например, к «низовому» языку может обращаться и «мажорный» рэпер Тимати (обыгрывающий социальный имидж «чёрного» MC – как в ипостаси завсегдастая столичных клубов, так и в образе гастарбайтера, например, в клипе на песню «Баклажан»), и, скажем, автор интеллектуального, часто – протестно-гражданского рэпа вроде Хаски (на альбоме «Любимые песни (воображаемых людей)» и в последующих проектах), в известной мере ориентированного на поэзию «сибирского панка», также представляющего за «окраины», «народные» и маргинальные группы. Интересно, что ни «гангстерская» («Кривосток»), ни социальная или гражданско-политическая («Каста», «Макулатура», «Бабангида», «Noize MC», Oxxxumiron, «Слава КПСС») рэп-формации сами по себе не предполагают использование фонетики «низового» языка с характерной для него форсированной редукцией гласных. На первых альбомах Хаски она тоже отсут-

ствует. Даже гибридизация рэпа с шансоном не всегда сопровождается этим эффектом («Многоточие»). Напротив, хорошо видна значимость этих социальных маркеров на фоне элитарной и господствующей нормы. Даже авторы, в чьих работах воспроизводится опыт маргинальных социальных групп, например, наркоманов («CENTR», отчасти «25/17» и др.), далеко не всегда прибегают к приёму такого рода «демократизации» языка.

Однако сегодня, по-видимому, именно эта «низовая» фонетика становится молодёжной нормой, пока не утрачивая налёта альтернативности и маргинальности по отношению к музыкальному и языковому мейнстриму. Например, в работах FACE или Pharaoh она, кажется, всё менее ощутима в качестве приёма, вводящего голоса социальных аутсайдеров или манифестирующего протестное политическое высказывание, становясь ординарной языковой характеристикой. Она активно используется в поп-музыке, применяющей исполнительные приёмы рэпа, например, у Егора Крида, Элджея, Feduk'a, Макса Коржа и др. Причём во многих случаях она вообще перестаёт быть маркером «низовой» социальности, но, переключаясь в другой смысловой и эмоциональный регистр, придаёт песенному тексту эфонический оттенок вальяжности, интимности, релакса, характеризуя уже скорее образ жизни современного несистемного молодого человека – праздного, беззаботного и независимого тусовщика, возможно, дауншифтера, самодостаточного маргинала и т. д. (NATAN & Гусейн Гасанов, GOODY, Юлия HOLOD и др.).

Итак, возникнув как художественный приём, отсылающий к социально маркированной речи, редукция становится общим местом популярной музыки, в этом виде широко воздействуя на речевые практики аудитории.